

Н.К.Крупская

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Издание третье,
дополненное

Москва
Издательство
политической литературы
1989

сывал Владимиру Ильичу свои впечатления и как блестели глаза у Владимира Ильича, когда он его слушал.

Луначарский, Воровский, Ольминский — хорошая это была подкрепа «Впереду». Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, заведовавший всей хозяйственной частью, непрерывно сиял, строил разные грандиозные планы, возился с типографией.

Чуть не каждый вечер собирались большевики в кафе Ландольт и подолгу засиживались там за кружкой пива, обсуждая события в России, строя планы.

Уезжали многие, многие готовились к отъезду.

В России шла агитация за III съезд. Так многое изменилось со времени II съезда, так много новых вопросов выдвинула жизнь, что новый съезд стал прямо необходим. Большинство комитетов высказывались за съезд. Образовалось Бюро комитетов большинства [1]. ЦК накооптировал массу новых членов, в том числе и меньшевиков,— в массе своей он был примиренческим и всячески тормозил созыв III съезда. После провала ЦК, имевшего место в Москве на квартире у писателя Леонида Андреева, оставшиеся на воле члены ЦК согласились на созыв съезда.

Съезд устроен был в Лондоне [2]. На нем явное большинство было за большевиками. И потому меньшевики на съезд не пошли, а своих делегатов собрали на конференцию в Женеву.

На съезд от ЦК приехал Зоммер (он же Марк — Любимов) и Винтер (Красин). Марк имел архимрачный вид. Красин — такой, точно ничего не случилось. Делегаты бешено нападали на ЦК за его примиренческую позицию. Марк сидел темнее тучи и молчал. Молчал и Красин, подперев рукой щеку, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему ровно никакого отношения. Когда дошла до него очередь, он спокойным голосом сделал доклад, не возражая даже на обвинения,— и всем ясно стало, что больше говорить не о чем, что было у него примиренческое настроение и прошло, что

[1] Так как примиренчески-меньшевистский ЦК упорно отказывался созвать съезд и вообще не отражал воли партии, в большинстве стоявшей на позиции «большинства», то на «совещании 22-х» в Женеве (август 1904 г.) было решено создать большевистский орган для борьбы за созыв III съезда партии. Намеченные этим совещанием кандидаты (Гусев, Богданов, Землячка, Литвинов, Лядов) были затем утверждены на трех нелегальных конференциях в России — Северной, Южной и Кавказской. Так было создано Бюро комитетов большинства (БКБ). Наряду с агитацией за созыв съезда БКБ руководило фактически практической работой большевистских организаций в России. *Н. К.*

[2] Работа III съезда РСДРП проходила с 12 по 27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г. *Ред.*

отныне он становится в ряды большевиков, с которыми пойдет до конца.

Партийцы знают теперь ту большую и ответственную работу, которую нес Красин во время революции пятого года по вооружению боевиков, по руководству подготовкой боевых снарядов и пр. Делалось все это конспиративно, без шума, но вкладывалась в это дело масса энергии. Владимир Ильич больше чем кто-либо знал эту работу Красина и с тех пор всегда очень ценил его.

С Кавказа приехало четверо: Миха Цхакая, Алеша Джапаридзе, Леман и Каменев. Мандата было три. Владимир Ильич допрашивал: кому же принадлежат мандаты,— мандатов три, а человека четыре? Кто получил большинство голосов? Миха возмущенно отвечал: «Да разве у нас на Кавказе голосуют?! Мы дела все решаем по-товарищески. Нас послали четырех, а сколько мандатов — не важно». Миха оказался старейшим членом съезда — ему было в то время 50 лет. Ему и поручили открыть съезд. От Полесского комитета был Лева Владимиров. Много раз писали мы ему в Россию о расколе, и никаких реплик не получали. В ответ на письма, где описывались выходки мартовцев, мы получали письма, где рассказывалось, сколько и каких листовок распространено, где были в Полесье стачки, демонстрации. На съезде Лева держался твердым большевиком.

Были на съезде из России еще Богданов, Постоловский (Вадим), Румянцев (П. П.), Рыков, Саммер, Землячка, Литвинов, Скрыпник, Бур (А. М. Эссен), Шкловский, Крамольников и др.

На съезде чувствовалось во всем, что в России переживается разгар рабочего движения. Были приняты резолюции о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к тактике правительства накануне переворота, по вопросу об открытом выступлении РСДРП, об отношении к крестьянскому движению, об отношении к либералам, об отношении к национальным социал-демократическим организациям, о пропаганде и агитации, об отколовшейся части партии и т. д.

По предложению Владимира Ильича, делавшего доклад по аграрному вопросу, пункт об «отрезках» был перенесен в комментарии, на первый же план выдвинут был вопрос о конфискации помещичьих, удельных и церковных земель.

Еще два вопроса были характерны для III съезда — вопрос о двух центрах и вопрос об отношении между рабочими и интеллигентами.

На II съезде преобладали литераторы и практические работники, много поработавшие для партии в той или иной форме,

но связанные с русскими организациями, только еще складывавшимися, весьма слабыми узами.

III съезд носил уже иную физиономию. В России организации к этому времени уже вполне оформились,— это были нелегальные комитеты, работавшие при страшно тяжелых конспиративных условиях. Комитеты почти нигде, в силу этих условий, не включали в себя рабочих, но влияние на рабочее движение они имели большое. Листки, «распоряжения» комитета, были созвучны настроению рабочих масс,— они чувствовали руководство; комитеты пользовались поэтому у них большой популярностью, причем действия их облекались для большинства рабочих дымкой таинственности. Рабочие нередко собирались отдельно от интеллигентов для обсуждения коренных вопросов движения. На III съезд было прислано заявление 50 одесских рабочих по основным вопросам расхождений между меньшевиками и большевиками, причем сообщалось, что на собрании, где обсуждался этот вопрос, не было ни одного интеллигента.

Комитетчик был обычно человеком довольно самоуверенным,— он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета; комитетчик, как правило, никакого внутрипартийного демократизма не признавал: провалы одни от этого демократизма только получаются, с движением мы и так-де связаны,— говорили комитетчики; комитетчик всегда внутренне презирал немного заграницу, которая-де с жиру бесится и склоки устраивает: «посадить бы их в русские условия». Комитетчик не желал засилья заграницы. Вместе с тем он не хотел новшеств. Приспособляться к быстро менявшимся условиям комитетчик не хотел и не умел.

В период 1904—1905 гг. комитетчики вынесли на своих плечах колоссальную работу, но многие из них с громадным трудом приспособлялись к условиям растущих легальных возможностей и открытой борьбы.

На III съезде не было рабочих — по крайней мере, не было ни одного сколько-нибудь заметного рабочего. Кличка Бабушкин относилась вовсе не к рабочему Бабушкину, который в это время был в Сибири, а, насколько помню, к т. Шкловскому. Зато комитетчиков на съезде было много. Тот, кто упустит из виду эту физиономию III съезда, многого в протоколах съезда не поймет.

Вопрос об «обуздании заграницы» ставился не только комитетчиками, но и другими видными работниками. Во главе оппозиции загранице шел Богданов.

Многое тут говорилось зря, но Владимир Ильич не особенно близко принимал это к сердцу. Он считал, что благодаря

развивающейся революции значение заграницы ежечасно падает, знал, что и сам он «не жилец» уже за границей, и о чем только он заботился, так это о том, чтобы ЦК быстро осведомлял ЦО (ЦО должен был отныне называться «Пролетарием» и пока что издаваться за границей). Он настаивал также, чтобы были организованы периодические свидания между заграничной и русской частью ЦК.

Острее стоял вопрос о введении рабочих в комитеты.

За введение рабочих в комитеты особенно горячо стоял Владимир Ильич. За — были также Богданов, «заграничники» и литераторы, против — комитетчики. Горячился Владимир Ильич, горячились комитетчики. Комитетчики настояли, чтобы резолюция по этому поводу не выносилась: нельзя же, в самом деле, было выносить резолюцию, что рабочих не надо вводить в комитет!

Выступая в прениях, Владимир Ильич говорил: «Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе,— по возможности вводить рабочих в комитеты,— оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда» [1].

Владимир Ильич и раньше многократно отстаивал необходимость вводить рабочих в возможно большем числе в комитеты. Он писал об этом и в своем «Письме товарищу» еще в 1902 году. Теперь, защищая на съезде ту же точку зрения, он ужасно горячился, вставлял цвишенруфы [2]. Когда Михайлов (Постоловский) сказал: «Таким образом, на практике к интеллигентам предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие»,— Владимир Ильич вскрикнул: «Совершенно верно!» Его восклицание было покрыто хором комитетчиков: «Неверно!» [3].

Когда Румянцев сказал: «В Петербургском комитете только

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 163. *Ред.*

[2] *Цвишенруф* — возглас с места, реплика. *Ред.*

[3] См.: Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы. М., 1959, с. 263. *Ред.*

один рабочий, несмотря на то, что работа в Петербурге ведется лет 15», Владимир Ильич крикнул: «Безобразие!»[1].

И потом, при заключении дебатов, Ильич говорил: «Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты»[2]. Если Ильич не очень огорчался по поводу того, что его точка зрения провалилась с таким треском на съезде, так только потому, что он знал: надвигающаяся революция радикально вылечит партию от неумения орабочивать комитеты.

И еще один большой вопрос стоял на съезде: о пропаганде и агитации.

Как-то, помню, к нам в Женеву приехала девица из Одессы и жаловалась: «Рабочие предъявляют к комитету невозможные требования: хотят, чтобы мы давали им пропаганду. Разве это возможно? Мы можем давать им только агитацию!»

На Ильича сообщение одесской девицы произвело довольно сильное впечатление. Оно оказалось как бы введением в прения о пропаганде. Оказалось, об этом говорили и Землячка, и Миха Цхакая, и Десницкий, старые формы пропаганды умерли, пропаганда превратилась в агитацию. С колоссальным ростом рабочего движения устная пропаганда и даже агитация вообще не могли удовлетворить потребностей движения: нужна была популярная литература, популярная газета, литература для крестьян, для народностей, говорящих на других языках...

Сотни новых вопросов выдвигала жизнь, которые нельзя было разрешить в рамках прежней нелегальной организации. Их можно было разрешить лишь путем постановки в России ежедневной газеты, путем широкого легального издательства. Однако пока что свобода печати не была еще завоевана. Решено было издавать в России нелегальную газету, образовать там группу литераторов, обязанных заботиться о популярной газете. Но ясно, что все это были паллиативы.

На съезде немало говорили о разгоравшейся революционной борьбе. Были приняты резолюции о событиях в Польше и на Кавказе. «А движение это становится все шире и шире,— рассказывал уральский делегат.— Давно пора перестать смотреть на Урал, как на отсталый, сонный край, неспособный двинуться. Политическая стачка в Лысьве, многочисленные стачки по раз-

[1] См.: Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы, с. 267. *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 174. *Ред.*

ным заводам, разнообразные признаки революционного настроения, вплоть до аграрно-заводского террора в самых разнообразных формах, мелких стихийных демонстраций,— все это признаки, что Урал накануне крупного революционного движения. Что это движение примет на Урале форму вооруженного восстания, это весьма вероятно. Урал был первый, где рабочие пустили в ход бомбы, выставили даже пушки (на Воткинском заводе). Товарищи, не забывайте об Урале!»[1]

Само собой, Владимир Ильич долго толковал с уральским делегатом.

В общем и целом III съезд правильно наметил линии борьбы. Меньшевики те же вопросы разрешали по-другому. Принципиальную разницу между резолюциями III съезда и резолюциями меньшевистской конференции Владимир Ильич осветил в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»[2].

Вернулись мы в Женеву. Я попала в комиссию по редактированию протоколов съезда вместе с Камским и Орловским. Камский уехал. Орловский оказался страшно занят. В Женеве, куда приехало после съезда порядочное число делегатов, организовали проверку протоколов. В те времена никаких стенографисток не было, специальных секретарей также, протокол писали по очереди по два члена съезда, сдавая потом мне. Не все члены съезда были хорошими секретарями. На съезде протоколы зачитывать, само собой, не удавалось. В Женеве, в столовке Лепешинских, устроена была проверка протоколов совместно с делегатами. Само собою, каждый делегат находил, что его мысль записана неверно, и хотел делать вставки. Вставки делать не разрешалось, вносить поправки можно было лишь тогда, когда остальные делегаты признавали правомерность поправки. Работа была очень трудна. Не обходилось и без столкновений. Скрыпник (Щенский) требовал выдачи ему протоколов на дом, и когда я ему сказала, что тогда протоколы надо выдавать всем на руки — и от протоколов останутся рожки да ножки, Скрыпник возмутился и печатными буквами написал протест в ЦК по поводу невыдачи ему протоколов.

Когда черновая работа была закончена, немало ушло времени на редактирование протоколов и у Орловского.

В июле пришли первые протоколы заседания нового ЦК. В них писалось о том, что российские меньшевики не согласны

[1] Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы, с. 377. *Ред.*
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 1—131. *Ред.*

с «Искрой» и также будут проводить бойкот[1], что ЦК хотя обсуждал вопрос о поддержке крестьянского движения, но пока еще ничего не предпринял, хочет советоваться с агрономами.

Письмо показалось страшно скупым.

Следующее письмо о работе ЦК было еще скупее. Ильич страшно нервничал. Подышав на съезде русской атмосферой, труднее было переносить оторванность от русской работы.

В половине августа в письме к ЦК Ильич убеждал ЦК «перестать быть немым», не ограничиваться обсуждением вопросов промеж себя. «...В работе ЦК есть какой-то внутренний дефект...», писал он русским цекистам[2].

В последующих письмах он жестоко ругается за то, что не выполняется постановление о регулярном осведомлении ЦО.

В сентябрьском письме, обращенном к Августу, Ильич пишет: «Дожидаться полной солидарности в ЦК или в среде его агентов — утопия. «Не кружок, а партия», милый друг!»[3].

В письме к Гусеву от 13 октября 1905 г. он указывает на необходимость вести, наряду с подготовкой к вооруженному восстанию, и профессиональную борьбу, но вести эту борьбу в большевистском духе, давая и тут бой меньшевикам[4].

На женевском горизонте появились предвестники свободы печати. Появились издатели, наперебой предлагавшие издать легально вышедшие за границей нелегально брошюры. Одесский «Буревестник», издательство Малых и др.— все предлагали свои услуги.

ЦК *предлагал воздерживаться* от *заключения* каких бы то ни было договоров, так как предполагал наладить свое издательство.

---

[1] Речь идет об отношении социал-демократов к комиссии под председательством сенатора и члена Государственного Совета Н. В. Шидловского, которая была создана царским правительством после 9 января «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в гор. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В связи с выборами в комиссию большевики *развернули широкую разъяснительную работу, разоблачая* истинные цели царизма, который пытался организацией этой комиссии отвлечь рабочих от революционной борьбы. Когда Шидловский объявил выборщикам, что их требования правительству, как свобода слова, печати, собраний, неприкосновенности личности и т. п., не могут быть удовлетворены, большинство из них отказалось от участия в выборах депутатов и призвало рабочих Петербурга к забастовке. Комиссия Шидловского, не приступившая к работе, была распущена. *Ред.*

[2] Письмо «Центральному Комитету РСДРП» написано 28 июня (11 июля) 1905 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 39—40). *Ред.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 65. *Ред.*

[4] См. там же, с. 88—92. *Ред.*

В начале октября возник вопрос о поездке Ильича в Финляндию, где предполагалось свидание с ЦК, но развивавшиеся события поставили вопрос иначе — Владимир Ильич собрался ехать в Россию. Я должна была еще остаться на пару недель в Женеве, чтобы ликвидировать дела. Вместе с Ильичем разобрали мы его бумаги и письма, разложили по конвертам, Ильич надписал собственноручно каждый конверт. Все было уложено в чемодан и сдано на хранение, кажется т. Карпинскому. Этот чемодан сохранился и был доставлен уже после смерти Ильича в Институт Ленина. В нем была масса документов и писем, бросающих яркий свет на историю партии.

В сентябре Ильич писал в ЦК:

«Относительно Плеханова сообщаю Вам для осведомления здешние слухи. Он явно озлобился на нас за разоблачение перед Международным бюро. Ругается, как извозчик, в № 2 «Дневника Социал-Демократа». Говорят то о его особой газете, то о возвращении его в «Искру». Вывод: недоверие к нему должно усилиться»[1].

И 8 октября Владимир Ильич продолжает: «Усердно прошу: бросьте теперь совсем мысль о Плеханове и назначьте своего делегата из большинства... Хорошо бы назначить Орловского»[2].

Но когда пришли вести, что есть возможность в России наладить ежедневную газету, когда Ильич собрался уже ехать, он написал Плеханову горячее письмо, где звал Плеханова сотрудничать в газете: «...тактические разногласия наши революция сама сметает с поразительной быстротой...», «...все это создаст *новую почву*, на которой всего легче будет забыть старое, спеться на живом деле»[3]. В конце Ильич просил Плеханова о свиданьи. Не помню, имело ли оно место. Вероятно нет, потому что тогда этот факт вряд ли забылся бы.

Плеханов в Россию в 1905 г. не ездил.

26 октября Ильич уже сговорился детально в письме о своем возвращении в Россию. «Хорошая у нас в России революция, ей-богу!», пишет он там. И, отвечая на вопрос о сроке восстания, он говорит: *«Я бы лично охотно оттянул его до весны... Но ведь нас все равно не спрашивают»*[4].

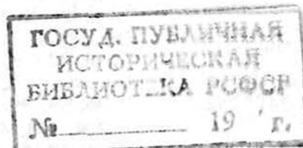
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 75. *Ред.*

[2] Речь идет о посылке представителя в Международное социалистическое бюро II Интернационала. Представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро с 1905 по 1912 г. был В. И. Ленин. *Ред.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. *106, 105. Ред.*

[4] Там же, с. 100. Курсив Н. К. Крупской. *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание

Крупская Н. К.

К84 Воспоминания о Ленине.— 3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1989.— 494 с.: ил.

ISBN 5—250—00308—7

Надежда Константиновна Крупская — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, соратник, жена и друг В. И. Ленина. В своих воспоминаниях она необычайно просто, задушевно и правдиво воссоздает незабываемый образ великого вождя и человека.

Воспоминания Н. К. Крупской печатаются по тексту последних прижизненных изданий, сверенных с рукописями и первыми публикациями.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

К $\frac{0103020000—007}{079(02)—89}$ 58—89 **ББК 13.5**